kicking myself. Why had I aimed so high? (The Independent. 2010. June 19). В данном предложении герундиальная форма *kicking* имеет значение ‘пинать’. Однако в нашем примере происходит модификация значения глагольной формы ‘упрекать себя, раскаиваться’, что в свою очередь приводит к изменению значения пациентива, который приобретает свойства объектива. Смысл образуется по следующей схеме: пациентив *себя* → объектив *опрометчивое решение*. Другими словами, в данном случае происходит перенос значения отглагольной формы и значения ее актанта. Предложение приобретает следующий имплицитно выраженный смысл: «я начал раскаиваться в своем опрометчивом решении взять интервью у самого Президента».

Таким образом, несмотря на свою внешнюю подвижность, язык сохраняет внутреннюю когерентность благодаря стабилизирующему действию механизмов самоорганизации, которые реализуются в системно-семантических моделях аномалий. Данные типовые модели являются основой для выведения интерпретационных моделей, помогающих реципиенту свести значение противоречивого сочетания слов к логически корректному смыслу. Эти модели основаны на следующих видах модификаций значений синтаксических элементов: сужении, расширении, сдвиге и замене значений актантов и сирконстантов. Перекодировка значений актантов и сирконстантов является механизмом построения нового содержания, что раскрывает множественные резервы смыслов. Сознательное нарушение автором нормативного кода с течением времени приводит к тому, что такие случаи перестают восприниматься как нечто новое, аномальное, необычное. В связи с этим аномалии служат средством развития английского языка и помогают обнаружить существование тех механизмов, которые могут спровоцировать глобальные изменения языковой системы.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Г.В. Степанова (1939–1986) / под ред. Д.С. Лихачева. М. : Наука, 1990. С. 50 – 71.

2. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику: моногр. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999.

3. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006.

4. Шацкая М.Ф. Взаимодействие лексической и синтаксической семантики в русском художественном тексте: межуровневые контакты и механизмы аномальных трансформаций при порождении языковой игры : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2010.

5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М. : Едиториал УРСС, 2004.

Syntactic anomalies as the means of semantic self-organization of the language

There are researched the regularities of the origin and functioning of syntactic anomalies in the English language. There are enumerated the main types of discovered syntactic anomalies and described the ways of solving semantic contradictions in meaning structures of syntactic anomalies.

Key words: *syntactic anomalies, self-organization of meanings system, linguistic synergy, semantic modifications.*

А.В. ТОПОРОВА
(Москва)

ОСОБЕННОСТИ РАННЕЙ ПРОПОВЕДИ НИЩЕНСТВУЮЩИХ ОРДЕНОВ

Анализируются францисканское и доминиканское направления проповеди на начальном этапе ее существования. В ней выявляются специфические особенности каждого из указанных направлений, определяемые целями и задачами, стоящими перед соответствующими орденами, а также творческим методом отдельных проповедников. В результате вырисовывается общий контекст и своего рода предыстория итальянской средневековой проповеди.

Ключевые слова: *итальянская литература Средних веков, поэтика проповеди, нищенствующие ордена.*

Начиная с XIII в. можно говорить, что широко, если не повсеместно, распространяется вольгаре (итал.) как язык проповедей на италь-

© Топорова А.В., 2011

янской территории. Это связано с появлением так называемых нищенствующих орденов: францисканцев (возник в 1209 г.) и доминиканцев (возник в 1216 г.), которым Церковь вверила проповедь на народном языке с целью искоренения ересей. Ранняя францисканская проповедь, о которой сохранились лишь косвенные свидетельства, представляла собой весьма простое по форме обращение к народу с призывами к покаянию и любви к Богу и ближнему. Сами францисканцы воспринимали свое дело как продолжение Христовой проповеди, своеобразное подражание Христу (*imitatio Christi*), поэтому главным считали действие Святого Духа, а не умение проповедника. Вот как описывается проповедь самого Франциска Бонавентура в его жизнеописании, известном под названием «Большая легенда»: «*Куда бы ни пошел* раб Божий Франциск, за ним следовал и *Дух Господень*, который *помазал и послал* его, и сама *Божия сила и Божия Премудрость – Христос*, которые шептали ему слова святого учения и сообщали ему великую силу творить чудеса. Ведь слово его было подобно огню жгущему, и никаким человеческим украшением речь его не уснащалась, а создавалась лишь вдохновением и внушением Божиим» [2, с. 633].

Необходимым условием успешной проповеди была молитва. Жития Франциска сообщают, что он «*непрестанно молился, желая постоянно предстоять духом Богу*» (Там же, с. 612).

Францисканское правило *Regula bullata* предписывало проповедникам говорить о пороках и добродетелях, о наказании и славе в кратких проповедях (*annuntiando eis vitia et virtutes, poenam et gloriam cum brevitate sermonis*). У самого Франциска простота проповеди компенсировалась мощным эмоциональным импульсом. Фома Челанский в первом житии святого отмечает, что тот «наставлял слушателей … само тело свое обратив в язык проповедующий» (Там же, с. 281). Проповеди Франциска отличались особой драматичностью и театральностью, а порой и экстравагантностью: так, он проповедовал в Ассизи обнаженный и с веревкой на шее, а проповедуя Гонорию III, танцевал. Тот же Фома Челанский так характеризует проповедь святого во втором житии: «Проповедник Евангелия Франциск, проповедуя людям неученым, употреблял выражения простые и материальные, хорошо понимая, что добродетель важнее слов. Но среди людей духовных и более образованных он извлекал из своего сердца глубокие слова, дающие жизнь. Немногими словами он объяснял невыразимое и, присоединяя к ним огненные движения и жесты, увлекал всех к небесным высотам. Он не прибегал к хитросплетениям риторических фигур, ибо не выстраивал порядок речей, которые не он сам придумывал. *Глас силы давал его словам* Христос, истинная сила и мудрость» (Там же, с. 422).

Разумеется, проповедь Франциска была исключительной, и подражать ей вряд ли было возможно. Если в дальнейшем основные темы францисканской проповеди – покаяние и любовь – более или менее сохраняются, то ее формальная структура меняется. Уже наиболее ранние из дошедших до нас францисканских проповедей (Р. ди Корновалья, И. де Блуа, М. Ломбардского), датируемые первой половиной XIII в., несут отпечаток искусственного построения [4, с. 149]. Их авторы, несомненно, знакомы с правилами построения проповедей, содержащимися в *Artes praedicandi*, пособиях по искусству составления проповедей. Среди многочисленных францисканских проповедников, упоминаемых в Хронике Салимбене, большинство относятся к числу *litterati* (образованных), обращающихся не только к простому народу, но и к клиру. Известно, что проповеди Ж. де Турне, Н. де Бияра и П. ди Сан Бенедетто слушали в Парижском университете [6, с. 156].

Антоний Падуанский, францисканец португальского происхождения, ставший итальянским святым, также получил хорошую подготовку, и его проповеди весьма далеки от простоты основателя Ордена, с которым он был знаком. Антония посылали проповедовать в районы, охваченные еретическими движениями, северную Италию, где обосновались гумилиаты, и южную Францию, где действовали альбигойцы и вальденсы. Его проповеди носили катехитический характер и отличались большой эмоциональной силой, как свидетельствуют источники того периода [3, с. 11]. Особый успех имели несохранившиеся проповеди, произнесенные во время Великого поста 1231 г. в Падуе. Желавшие услышать их не вмещались в церковь, и на главной площади города для Антония была построена специальная кафедра, а люди занимали места еще с ночи.

Может показаться удивительным, что вскоре после смерти Франциска в проповеди утвердилась «ученая» тенденция. Казалось бы, следуя заветам Франциска, проповедовавшего всем и каждому, кто встречался на его пути (людям, животным, птицам), считавшему, что

слово Творца дойдет до каждого Его творения, францисканские проповедники должны были ориентироваться на живое устное слово, идущее от сердца к сердцу, и потому не укладывающееся в заранее созданные схемы. Однако, как видим, переход от устного слова к письменному совершился очень быстро.

Основной корпус сочинений Антония Падуанского («Воскресные проповеди» и «Проповеди на праздники»), заключенный в трех объемистых томах, представляет собой проповеди, которые никогда не произносились перед народом и не были для этого предназначены: «Основной целью, руководившей св. Антонием при их написании, была педагогическая: создать идеальный образец, “модель” церковной проповеди, для обучения по нему проповедников-францисканцев» [1, с. 41]. По форме это сугубо письменные тексты, в которых анализируемые цитаты из Евангелия рассматриваются в сопоставлении с другими новозаветными и богослужебными текстами; постоянные отступления, возвраты, параллели делают проповеди трудными для восприятия даже в письменном виде. Это не было исключительным явлением. Так, латинские проповеди М. д’Акваспарта, генерала францисканского Ордена в конце 1280-х гг. никогда не были произнесены. Как отмечает К. Делькорно, проповедь становится литературным жанром, утратившим непосредственный контакт с публикой [4, с. 34]. Разумеется, это относится лишь к незначительной части огромного наследия средневековых проповедников.

Проповеди Ф. Бонавентуры, ставшего генералом Ордена в 1257 г., были предназначены в основном для избранной публики: студентов и преподавателей парижской школы, монахов разных орденов и религиозных братств, французского короля и его семьи, Папы и Курии, соборных капитулов. Проповедей, обращенных к простому народу, немного. Бонавентура был прежде всего богословом и в своих проповедях излагал основные положения христианского вероучения, рассказывая о вере, благодати, центральной роли Христа как в Новом, так и в Ветхом Заветах, о премудрости Божией, действии Святого Духа. Его речь четко структурирована и одновременно ярка, образна и аллегорична, что дало возможность уподобить его проповеди созданной приблизительно в то же время парижской Сент-Шапель [5, т. 3, с. 374].

Приоритетными для доминиканского Ордена с самого начала были широкая народная проповедь катехитического характера и подготовка проповедников, создание специальной проповеднической школы. От основателя Ордена Доминика не сохранилось ни одной проповеди. Известно, что он проповедовал в южной Франции против альбигойцев и создал в Тулузе школу подготовки проповедников, а также группы для обучения проповедников в Парижском и Болонском университетах. Доминиканцы, призванные восстановить среди простого народа пошатнувшиеся под влиянием еретических движений христианские истины, придавали большое значение богословской подготовке своих проповедников. Неудивительно, что большинство учебников проповеди, пособий и трактатов педагогического характера, а также теоретических богословских сочинений вышло из-под пера доминиканцев.

Доминиканец Г. де Пейро, проповедовавший в долине Роны, написал сочинение под названием «Сумма пороков и добродетелей» («Summa de vitiis et virtutibus»), ставшее одним из самых популярных в Средневековье пособий по нравственному богословию. Автор подробно рассматривает пороки и добродетели, анализирует их причины и проявления, указывает способы борьбы с пороками и пути следования той или иной добродетели. Цель этого сочинения – предоставить хорошо разработанный и доступный широкому кругу проповедников материал для проповедей. Вообще такого рода пособия были весьма распространены в Средние века. Г. де Пейро принадлежат также три цикла проповедей-образцов: на праздники святых, на воскресные чтения Евангелия, на апостольские послания. Они представляют собой типично схоластические проповеди, где каждое положение разбивается на множество пунктов и подпунктов. При этом очевидна забота автора о ясности толкования, доходчивости излагаемой мысли.

Доминиканцы Дж. ди Беневенто и И. Ворагинский (известный прежде всего как автор сборника житий «Золотая легенда»), пользовавшиеся немалой популярностью среди своих собратьев по Ордену, также оставили сборники проповедей, предназначенных для проповедников. Это своего рода учебные пособия для желающих освоить данный жанр: к каждой цитате из Священного Писания даются указания по толкованию и ссылкам на сходные тексты, приводятся соответствующие цитаты из трудов Отцов Церкви – часто в конспективном виде.

Другой доминиканский проповедник, уроженец Дофине Г. Романский, получивший богословское образование в Парижском университете и начавший свою деятельность как профессор теологии в Лионе, а в 1254 г. избранный генералом Ордена (его кандидатура выдвигалась также на папский престол, но был избран Григорий IX), оставил после себя классическое сочинение «О подготовке проповедников» («De eruditione praedicatorum»). Оно представляет собой нечто среднее между трактатом, в котором излагается теория проповеди, и сборником цитат, примеров, рассуждений на заданную тему, т.е. своеобразным учебником для проповедников. В нем сформулированы, в частности, требования, предъявляемые к проповеднику. Согласно Гумберту, проповедник должен иметь обо всем твердое представление, чтобы суметь передать его другим, а также должен многое знать, а именно: Священное Писание; «науку сотворенного» («scientia creaturarum»), т.е. природу; «науку историй» («scientia historiarum»), т.е. то, что можно назвать примерами в широком смысле слова; таинства Церкви; сведения, основанные на опыте («scientia experimentalis»); «науку скромности» («scientia discretionis»), под которой подразумевается умение распознавать, кому, когда и что следует проповедовать. Саму проповедь Г. Романский рассматривает как центральное служение в Церкви и ставит ее выше поста и других видов аскезы, выше дел милосердия, и даже молитвы и богослужения. Дело проповеди невозможно, подчеркивает он, без водительства Святого Духа. Свои теоретические взгляды Гумберт воплощает в практических примерах проповедей разного типа, объединенных в сочинении под названием «О быстром способе приготовления проповедей» («De modo prompte cudendi sermones»). В целом Г. Романского можно назвать одним из самых популярных в Средние века учителей проповеди. Еще одним доминиканским наставником в искусстве проповеди был Дж. де Фузиньяно, приор доминиканского монастыря Санта Мария сопра Минерва в Риме, капеллан Карла II Анжуйского, признанный Генеральным капитулом Ордена лучшим проповедником Римской провинции. Его трактат «Об искусстве сочинения проповеди» (De arte praedicandi), написанный в 1290-е гг., был также хорошо известен в проповеднической среде. Главным же доминиканским богословом-теоретиком был Фома Аквинский с его «Суммой богословия». Хотя он имел немалый успех и как проповедник, главным остается его богословское дарование. В проповедях Фома также рассматривает основные догматические положения, говорит о вере, благодати и Святом Духе, грехе и наказании за него, о воскресении и искуплении. Его проповеди являются иллюстрациями его теоретических рассуждений. Для своих современников и потомков Фома Аквинский был долгое время высшим авторитетом в вопросах богословия.

Учителя проповеди заботились о том, чтобы проповедники имели под рукой не только образцы проповедей, но и целый ряд практических пособий, содержащих информацию самого разного рода, которую можно использовать в речи: комментарии (*glossa, postilla*) к текстам Священного Писания (например, у пармского доминиканца А. Азаро); житийные сборники, главным из которых была «Золотая легенда» И. Ворагинского; сборники пороков и добродетелей. К этому жанру относятся также многочисленные лапидарии и бестиарии, служившие неисчерпаемым источником для сравнений и метафор, а также разного рода суммы, флорилегии, «книги», как, например, «Книга подобий и примеров» (Liber de similitudinibus et exemplis) или сборник «Сумма примеров и подобий» (Summa de exemplis et similitudinibus perutilis praedicatoribus) доминиканца Дж. да Сан Джиминьяно; различные изложения «Этимологий» И. Севильского, его «Различий», или «Физиолога», сочинения о реальных и вымышленных свойствах животных, камней и деревьев.

Таким образом, задача проповедников сильно облегчалась. В их распоряжении было не только творческое наследие известных проповедников, но и столь огромная и разнообразная литература, что искусство проповеди становилось чисто техническим, и почти каждый монах, вступивший на поприще словесного окормления паствы, мог им овладеть.

Литература

1. Антоний Падуанский. Проповеди / под ред. В.Л. Задворного. М. : Изд-во францисканцев-братьев меньших конвентуальных, 1997.

2. Истоки францисканства / пер. О. Седаковой, А. Топоровой, Л. Сумм. Assisi : Movimento francescano, 1996.

3. Цветочки святого Франциска Ассизского. М. : Вся Москва, 1990.

4. Delcorno C. La predicazione nell'età comunale. Firenze : Sansoni, 1974.

5. Old Y.O. The Reading and Preaching of the Scripture. Cambrige : Eerdmans, 1998.

6. Zafarana Z. Da Gregorio VII a Bernardino da Siena: saggi di storia medieval // Centro per il Collegamento degli Studi Medievali e Umanistici nell'Università di Perugia. 1987. № 17.

Peculiarities of early sermons of mendicant orders

There are analyzed the Franciscan and Dominican tendencies of a sermon at the initial stage of its existence. It reveals the specific peculiarities of each of the mentioned directions, which are determined by goals and objectives set by the orders, as well as a creative method by some separate preachers. As a result, there appears the general context and some sort of prehistory of the Italian medieval sermon.

Key words: *Italian literature of the Middle Ages, poetics of sermon, mendicant orders.*

И.Е. АБРАМОВА
(Петрозаводск)

РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ ФОНЕТИЧЕСКОГО АКЦЕНТА

Рассматривается рецептивный аспект фонетического акцента билингвов. Представлены обзор теоретической литературы по данной проблематике, анализ результатов эксперимента по восприятию изолированных слов, содержащих реализации англиийских согласных, английскими и русскими аудиторами.

Ключевые слова: *акцент, рецептивный аспект, восприятие, аудиторы, согласные.*

Известно, что овладение иноязычным произношением предполагает образование навыков сенсорной дифференциации звуков неродного языка (при восприятии устной речи) и моторной дифференциации звуков (при говорении). В результате того, что фонетическая интерференция может происходить на уровне как речепроизводства, так и восприятия, формируются два типа акцента: явный (продуктивный) и скрытый (рецептивный) [5; 7; 4]. Данная статья посвящена анализу рецептивного аспекта фонетического акцента.

Фонетисты признают, что восприятие звуковой формы речи, характеризующейся быстрым протеканием во времени, требует сформированных специфических навыков перцепции как в родном, так и иностранном языке. Важным условием формирования слухопроизносительных навыков является умение различать звуки в потоке речи и идентифицировать их с соответствующими фонемами. Слуховой анализатор играет ведущую роль по отношению к речедвигательному, хотя последний гораздо легче поддается осознанному управлению [3, с. 176]. С. И. Бернштейн подчеркивал, что и сама выработка слухового представления наталкивается на серьезные трудности, вызванные тем, что слуховое восприятие отдельного звука вообще и звука речи, в частности, не расчленено в сознании: звук воспринимается как единое качество, данное одновременно и непосредственно [1].

Исследование восприятия речи на неродном языке свидетельствует о том, что в процессе усвоения звуковой системы иностранного языка работа органов речи при артикуляции контролируется слуховым впечатлением. В связи с этим психолингвистической причиной межъязыковой интерференции, провоцирующей рецептивный акцент, принято считать фонологизм речевого слуха билингва: «Звуки чужого языка получают у нас неверную фонетическую интерпретацию, так как пропускаются через "фонологическое сито" нашего родного языка» [5, с. 59].

Фонетисты Ленинградской школы (З.Н. Джапаридзе, Л. Р. Зиндер, А. С. Штерн) доказали, что при усвоении иностранного языка формируется новая перцептивная база, которая не поддается непосредственному наблюдению, но проявляется в речевых актах. Результаты исследования акустических свойств речевых сообщений опровергли наивное предположение о том, что существуют простые инвариантные признаки, по которым можно идентифицировать каждую фонему. Как подчеркивает Л.В. Бондарко, восприятие представляет собой не просто анализ акустических признаков следующих друг за другом сегментов, а сложную процедуру, включающую и другие уровни высказывания – грамматику, синтаксис, контекстные ожидания [2, с. 125–126]. По данным А.С. Штерн, успешность восприятия речи на неродном языке зависит от степени владения иностранным языком: чем выше уровень языковой компетенции учащегося, тем больше степень приближения его механизма восприятия к механизму восприятия носителей этого

© Абрамова И.Е., 2011